

Содержание

ISSN 2587-8190

Полина Семина. «Песнь Гаральда Смелого» и традиция переводного рыцарского романа	3
Константин Лаппо-Данилевский. И. И. Виноградов – переводчик Сапфо, Анакреонта и эллинистической анакреонтики.	17
Олег Ларионов. «Чувство изящного»: Антропологическая эстетика Н. М. Карамзина	57
Сергей Халтурин. «Дагерротипный список»: Проблема правдоподобности в «Сценах из народного быта» И. Ф. Горбунова.	83
Наталья Куширчук. Синкретизм искусств в прозе Бориса Пастернака. Музыкальная организация повести «Воздушные пути» (1924)	94
Роман Тименчик. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой	107

2021 XVIII (1)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Летняя школа по русской литературе

2021 (1)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021

© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Polina Semina. <i>Pesn' Garal'da Smelogo (Ode de Harald Le Vaillant)</i> and the Tradition of the Translated Chivalric Romance.	3
Konstantin Lappo-Danilevskii. Ivan I. Vinogradov as Translator of Sappho, Anacreont and Ancient Greek Anacreontic Poetry.	17
Oleg Larionov. <i>Sense of Beauty:</i> Nikolay Karamzin's Anthropological Aesthetics.	57
Sergey Khalturin. <i>A Daguerreotype Copy:</i> Problem of Verisimilitude in <i>Sitseny iz narodnogo byta (Scenes of Russian Folk) Life</i> by Ivan Gorbunov.	83
Natalia Kushnirchuk. Syncretism of the Arts in Boris Pasternak's Prose. Musical Structure of the Novel <i>Vozdushnye puti (Air Paths)</i> (1924)	94
Roman Timenchik. From the Index to Akhmatova's <i>Notebooks</i>	107

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),

Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ПОЛИНА СЁМИНА
(Москва)

«ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО» И ТРАДИЦИЯ ПЕРЕВОДНОГО РЫЦАРСКОГО РОМАНА

Настоящая работа посвящена исследованию трансформации жанровой структуры «*Ode de Harald Le Vaillant*» после проникновения этого текста в русскую литературу в последние десятилетия XVIII века. Статья рассматривает корпус переводов, осуществленных в пределах 1770–1820 годов, и ставит вопрос, почему ранние переложения были выполнены с ориентировкой на фольклорный жанр лирической песни. Делается вывод, что особое влияние на усвоение русской традицией куртуазных сюжетов оказал переводной рыцарский роман: редакции отдельных произведений этого жанра продолжали свое существование в беллетристической литературе на протяжении всего XVIII столетия, пользовались огромной популярностью у читателя из демократической среды, а их сюжеты были известны большей части выдающихся литераторов.

Ключевые слова: переводной рыцарский роман, лирическая песня, куртуазная поэзия, поэзия рубежа XVIII–XIX веков.

Информация об авторе: Полина Сергеевна Сёмина, студентка Российского государственного гуманитарного университета. Москва, Россия.

E-mail: po.ezh.gr@gmail.com

“Pesn’ Garal’da Smelogo” (“*Ode de Harald Le Vaillant*”) and the tradition of the translated chivalric romance

This article is devoted to the transformation of the genre structure of *Ode de Harald Le Vaillant* after the entry of this text into Russian literature in the last decades of the 18th century. The article examines translations carried out within 1770–1820 and raises the question of early literary translations and their orientation towards the folklore genre of lyric song. The translated chivalric novel had a special influence on the assimilation of the Russian tradition of courtly plots. Editions of individual works of this genre continued to exist in fiction throughout the entire 18th century, enjoyed immense popularity among the democratic readers and their plots were known to most of the outstanding writers.

Key words: translated chivalric romance, lyric song, courtly poetry, poetry of the turn of the 18–19th centuries.

About the author: Polina Semina, student of the Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

E-mail: po.ezh.gr@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-1-3-16

Рыцарский роман на Руси имел преимущественно перводной характер и проникал через народные книги,¹ в которых происходила деформация жанра и куртуазная составляющая начинала подчиняться законам фольклорного эпоса. В русской литературной традиции рыцарский роман приобрел черты сказки с героическим сюжетом. В сознании русского человека, незнакомого с куртуазной культурой, образ рыцаря сближался с образом богатыря.

Такой вектор рецепции прослеживается и в более позднее время — вплоть до конца XVIII века, когда в русскую литературу снова начали проникать произведения с рыцарской тематикой, продолжающие европейскую традицию куртуазной литературы. Переводы *Ode de Harald Le Vaillant*, куртуазной оды из второго тома «Введения в историю Дании» П. А. Малле (1756) подражали лирической песне и имели любовно-героический сюжет. И если русская литература указанного периода была знакома с рыцарским романом (который ассимилировался к жанровым системам древнерусской литературы и фольклора, см., например, в «Повести о Брунцвике»), то примеров куртуазной лирики в ней не имелось. Любовная тематика нередко отражалась в народных песнях, хотя она и не была уделом исключительно фольклора: к примеру, ее наличие является жанрообразующим в пасторальной лирике и сентиментальных романсах. Однако в конце XVIII века переводы литературных текстов с любовно-куртуазной составляющей нередко заключают в себе именно фольклорную жанровую доминанту. В нашей статье будет предпринята попытка выяснить причину этого явления.

Усвоение рыцарского романа русской литературной традицией будет кратко описано на примере двух текстов:

---

¹ См. об этом *Панченко А. М.* Литература второй половины XVII в. // История русской литературы X—XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1979. С. 372–446.

«Повести о Бове Королевиче» и «Повести о Петре Златых Ключей» — одних из наиболее популярных произведений этого жанра. В. Д. Кузьмина относила их к разным типам: «Повесть о Бове» — к текстам героического содержания, «Повесть о Петре» — к куртуазным.¹ В зависимости от сюжетной основы переводные куртуазные романы меняли свою жанровую принадлежность. Так, «Повесть о Бове» очень быстро сблизилась с народной эпической традицией:² любовная составляющая в ней не является доминирующей, многие эпизоды посвящены сражениям героя с его врагами. «Повесть о Петре», напротив, во многом сохранила свои первоначальные черты, оставаясь произведением о рыцарской любви, но вместе с тем она тоже ассоциировалась с волшебной сказкой.

Как показывает В. Д. Кузьмина, первые две из пяти русских редакций «Бовы»³ еще содержат в себе любовно-авантюрные элементы, характерные для итальянского оригинала: куртуазная интрига занимает одну из доминирующих позиций внутри сюжета, главный герой выполняет обязательные правила рыцарского кодекса. При этом некоторые эпизоды сражений внутри списков первой редакции уже начинают описываться в духе русских богатырских сказаний. Третья редакция, распространенная в городской демократической среде, вбирает в себя все больше фольклорных черт.⁴ В ней увеличивается религиозная составляющая и встречаются следы творческой переработки: русифицирование отдельных имен и названий. Списки наполняются языковыми и сюжетными формулами, свойственными повествованию сказочного или былинного типа. К примеру, заметно расширяется эпизод свадебного пира, где сыновья Бовы начинают играть «един в домру, а другой в гусли», благодаря чему их отец вспоминает о Дружневне; также в этот эпизод включена народная песня о разлуке.

¹ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964. С. 11.

² См. подробнее: Сакулин П. Н. Русская литература: В 2 ч. М., 1929. Ч. 2. С. 54–55.

³ Здесь и далее используется классификация редакций, предложенная в: Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси.

⁴ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. С. 37.

По версиям большинства исследователей, сюжет «Повести о Петре Златых Ключей» происходит из Франции.¹ Однако у французского оригинала (*Histoire de Pierre de Provence et de la belle Maguelonne*) насчитываются две редакции: вторая, более краткая, содержит в себе ряд изменений, включавших снижение рыцарской составляющей и перенесение акцента на любовные темы. Именно вторая редакция оказывается переведенной в Саксонии, благодаря чему текст попадает в Чехию и Польшу. Через посредничество Польши текст проникает и в русскую литературу.² В русских редакциях сохраняются подробные описания придворной жизни европейской знати, эпизоды торжеств и турниров, а также присутствуют религиозные мотивы, включенные в текст польским составителем. В первой редакции (по типологии В. Д. Кузьминой) «Повести о Петре...» эти сюжетные и повествовательные элементы представлены наиболее полно, однако в последующих рыцарско-авантюрная составляющая постепенно редуцируется.

Несмотря на то что это произведение по своему типу лишь отдаленно напоминает эпико-героические сказания, слова «рыцарь», «рыцарство» употребляются синонимично со словами «богатырь», «богатырство». Это указывает на явную попытку переписчиков сделать текст тождественным русской традиции. См., например: «повольте мне ехать в иные посторонные государства, всяких ради рыцарских делъ отведать и себе богатырской славы заслужить от великихъ кралей»³, — так Петр просит у своих родителей дозволения уехать из родного королевства; при дворе у неаполитанского короля герой «на <...> рыцарском делъ и шурмованье от всехъ великую славу рыцарскую себе получилъ». Среди сюжетных элементов, указывающих на связь этого текста с жанром волшебной сказки, можно назвать присутствие в нем таких функций действующих лиц, выделенных В. Я. Проппом в «Морфологии сказки» (1928), как уста-

¹ Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. С. 135–138.

² *Адрианова-Перетц В. П.* Любовно-авантюрные повести [второй половины XVII в.] // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2: Литература 1590-х–1690-х гг. С. 377.

³ Здесь и далее текст повести цит. по списку 1702 г.: ГПБУ. Сб. Муз. 677/ДА 892. 4. Л. 277–346.

новление и последующее нарушение запрета (клятва Петра сохранять целомудрие), вредительство (похищение перстней вороном), недостача (герой отправляется на поиски перстней), неузнанное прибытие (Петр возвращается на родину и заболевает; в монастыре его узнает Магилена) и др.

И «Повесть о Бове», и «Повесть о Петре Златых Ключей» на протяжении XVIII века пользовались большой популярностью у массового читателя. В то же время поэты-классицисты, например, А. П. Сумароков и А. Д. Кантемир, так же, как и любители «высокой» словесности, отзывались об этих повестях критически, относя эти тексты к увеселительной литературе, лишенной художественного изящества.¹

«Повесть о Бове» большую часть XVIII века считалась произведением «низовой» литературы, хотя и входила в круг чтения знати.² На рубеже XVIII–XIX веков появляются печатные и лубочные издания повести, вновь ставшей популярной внутри разных читательских кругов из-за всплеска внимания к народной истории и фольклору.³ Об этом свидетельствует большое количество произведений, написанных с использованием ее сюжета: от «Бовы» А. Н. Радищева (1798–1799) до «Бовы» А. С. Пушкина (1814). «Повестью о Бове» вдохновлялся и К. Н. Батюшков, что следует из пушкинского письма к П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 года.⁴

В начале и середине XVIII века сюжет «Повести о Петре» также был популярен в придворной среде, о чем говорит

¹ См. упоминание повестей в пренебрежительном контексте в «Эпистоле о Русском языке» Сумарокова: «Лишь только ты склады немного поучи, / Изволь писать „Бову“, „Петра Златы ключи“» (*Сумароков А. П. Избранные произведения* / Вступ. ст., подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 114 («Библиотека поэта». Большая серия)) и «К стихам своим» Кантемира: «Когда уж иссаленным время ваше пройдет, / Под пылью, мольям на корм кинуты, забыты / Гнусно лежать станете, в один сверток свиты / Иль с Бовою, иль с Ершом...» (*Кантемир А. Д. Собр. соч.* / Вступ. ст. Ф. Я. Приймы. Подг. текста и прим. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 217 («Библиотека поэта». Большая серия).

² См. об этом: *Гуковский Г. А.* Комментарии // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: [В 3 т.]. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 450.

³ *Покровская В. Ф.* Повесть о Бове королевиче // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2: Литература 1590-х–1690-х гг. С. 108.

⁴ См.: Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 137.

наличие его инсценировок: первая из них была сочинена для театра царевны Натальи Алексеевны,¹ а текст второй выполнен в согласии в духе поэтики школьных драм.² Однако уже во второй половине столетия повесть стала интересовать преимущественно массового читателя. Параллельно во Франции все чаще появляются переделки средневековых произведений и особым спросом у писателей-беллетристов пользуется так называемый «стиль трубадуров». Среди этих переделок можно найти и публикацию «Повести о Петре» Жана де Кастилона,³ перевод которой был издан Н. И. Новиковым в России в 1780 году («История о славном рыцаре золотых ключей Петре Прованском и о прекрасной Магелоне»).

Постепенная фольклоризация обеих «Повестей» вполне объяснима: европейский рыцарский роман представляет собой естественное развитие народного эпоса в русле художественной литературы. Элементы фольклора — мотивы, языковые формулы и др. — подчиняются в нем рыцарской эстетике и трансформируются согласно новым жанровым канонам. Закономерно, что при переходе куртуазного романа в демократическую или крестьянскую среду фольклорные составляющие вновь становятся доминирующими.

Куртуазная лирика — к примеру, поэзия трубадуров — также включает в себя черты фольклора и остается близкой жанру лирической песни. Заметное влияние средневековая куртуазная лирика оказала на русских поэтов лишь в XX веке. Однако уже в конце XVIII и в первых десятилетиях XIX века можно было увидеть редкие переводы и подражания: тогда в Россию начали проникать одни из первых книг, содержащих информацию о поэзии европейского Средневековья.⁴ На более раннем этапе развития русской лите-

¹ Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898. С. II–V.

² Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси. С. 206–210.

³ Там же. С. 214.

⁴ Mallet P. H. Monumens de la mythologie et de la poésie des Celtes et particulièrement des anciens Scandinaves: pour servir de supplément et de preuves à l'introduction à l'histoire du Danemarck. Copenhague, 1756; Marchangy L.-A.-F. de. La Gaule poétique, ou L'histoire de France considérée dans ses rapports avec la poésie, l'éloquence et les beaux-arts. 8 vol. Paris, 1813–1819.

ратуры — в течение большей части XVIII века — понятие рыцарства и куртуазный этикет, несомненно, были знакомы широкой публике. Тем не менее стихотворений, схожих по жанру с образцами куртуазной поэзии, русская литературная традиция не знала (вероятно, таковые существовали в весьма ограниченном количестве, однако это — тема для дальнейших исследований).

Отдельные элементы лирической песни, напротив, можно увидеть в текстах М. В. Ломоносова, а стилизованные стихотворения появляются уже в творчестве Сумарокова и его последователей.¹ В 1776 году выходит первая часть «Собрания русских простых песен с нотами» В. Ф. Трутновского, а позднее появляются и другие песенники: например, «Собрание народных русских песен» (1790), созданное И. Г. Прачем совместно с Н. А. Львовым. Тексты и их музыкальное сопровождение в этом сборнике имеют множество фольклористических неточностей, но факт его издания является важным для понимания степени распространенности лирической песни в творческой среде второй половины XVIII века. К лирической песне особенно часто обращались поэты конца столетия: довольно точными стилизациями оказываются некоторые стихотворения М. М. Хераскова («Птичка», 1796), Н. А. Львова («Песня» («Как, бывало, ты в темной осени...»), 1790-е) и других авторов.

Еще до проникновения в русскую литературу «Песнь о Гаральде Смелом» существенно отклонилась от жанровой структуры своего источника. В середине XVIII века на этот сюжет, впервые изложенный в форме скальдических вис («Висы радости»), обратил внимание швейцарец П. А. Малле. В качестве основных материалов для второй книги «Введения в историю Дании» (“*Monumens de la mythologie et de la poésie des Celtes...*”), в составе которой находилась «Песнь Гаральда Смелого», автор использует латинские переводы скандинавских литературных памятников. Известно,

---

¹ См.: «Ночною темнотою...» (1747) Ломоносова, «Чем тебя я оскорбила» (1770) Сумарокова. Более подробный обзор этих и других подобных текстов см.: Новикова А. М. Русская поэзия XVIII—первой половины XIX в. и народная поэзия. М., 1982.

что скальдическая лирика зачастую переводится прозой, так как сохранить ритмико-фонологическую структуру, художественные приемы и внутреннюю образность оригинальных стихов крайне сложно.¹ Поэтому изначальная форма текстов попросту не могла сохраниться: этим отчасти обуславливается и дальнейшая жанровая трансформация рассматриваемого произведения.

Несмотря на то что куртуазная культура как таковая отсутствовала в средневековой Скандинавии и любовная лирика была совершенно не типична для поэтики скальдов,² в «Датской истории» Малле утверждает, что галантность была свойственна средневековому северу вообще: «северные народы помышляли о соединении любви с воинскою силою прежде тех народов, к присвоению коих всех вкусов оказывали они в следствии большую склонность».³ Для жителей Европы куртуазная эстетика стала основным ключом к пониманию скандинавских культуры и литературы, поэтому Малле выполняет свой перевод «Вис радости» в духе куртуазной оды: европейская традиция предполагала наличие подобного жанра. Для русского читателя XVIII века ода обладала совершенно иными художественными характеристиками и не могла воспевать чувства, что питает герой к своей возлюбленной. Близким куртуазной оде жанром для литераторов стала фольклорная песня, для которой характерно наличие элегических мотивов неразделенной любви и разлуки, а ее герои нередко сетуют на чувства тревоги и печали. Причинами того, что поэты-переводчики обращались именно к лирической песне, служат не только популярность этого жанра и всеобщий интерес к народному наследию, но и сам принцип функционирования литературной традиции.

Как уже было сказано выше, в России рыцарская эстетика рецептировалась через аналогию с богатырством, поэтому образ

---

¹ *Смирницкая О. А.* О поэзии скальдов в «Круге земном» и ее переводе на русский язык // Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 597–611 («Литературные памятники»).

² *Джаксон Т. Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000. С. 143.

³ *Малле П. А.* Датская история Г. Маллета: В 4 т. / Пер. с фр. Ф. Мосеевкова. СПб., 1783. Т. 2. С. 168.

рыцаря в русских переложениях куртуазной лирики с легкостью обретал богатырские черты. Лирический сюжет оригиналов, в свою очередь, обосновывал тяготение к жанру песни.

Если прозаический жанр рыцарского романа обладал явственными сюжетными схождениями с фольклорной сказкой, то европейская куртуазная ода не представлялась аналогичной ни литературным, ни фольклорным произведениям. Хотя форма лирической песни и была избрана поэтами-переводчиками в качестве жанрового образца, все же она не могла включать в себя героические элементы (впрочем, они были возможны в песне исторической, в свою очередь лишенной доминанты в виде мотивов любовного характера): в ней допускалось лишь использование мотива сетующего на неблагоприятность возлюбленной героя. Поэтому стоит оговориться, что стихотворения, которые будут упомянуты далее, не являются стилизованной лирической песней в полном понимании. Чувства лирического «я», языковые формулы, жанровое заглавие — все это, несомненно, отсылает читателя к произведениям фольклора, однако образ богатыря и описание героических свершений нетипичны для названного жанра. Лирическая песня с героическим содержанием — редкое *литературное* явление рубежа XVIII–XIX веков, которое обусловлено особым состоянием русской культурной традиции.

Первый перевод “*Ode de Harald Le Vaillant*” на русский язык был опубликован Г. Брайко в 1779 году.¹ Он представлял собой прозаический подстрочник текста Малле, а в названии так же, как и в оригинале, был указан жанр оды. Второй перевод, изданный в составе полного издания «Истории Датской», принадлежал Ф. Моисеенкову,² и, хотя он тоже был буквальный, в нем впервые появляется жанровое заглавие песни. При этом оно никак не коррелировало с содержанием текста, в котором отсутствовали фольклорные черты.

Уже в вольном переводе Н. А. Львова можно увидеть использование этого «метажанра» — стилизованной любовной

¹ Санктпетербургский вестник. 1779. Ч. I. Апрель. С. 312–214.

² *Малле П. А.* Г. Маллета Введение в историю датскую, в котором разсуждается о вере, законах, нравах и обыкновениях древних датчан: В 2 ч. / Пер. с фр. Ф. Моисеенко. СПб, 1785. Ч. 2. С. 169–170.

песни с героическими импликациями. Влияние фольклора можно проследить на примере лексики, которую использует Львов в своем переводе: «дружина», «ратное поле», «девка красная», «сбруя ратная», «земля полуденная», «супостат», «мужик», «сине море»¹ и др. Львов создавал свой перевод с той целью, чтобы его стилистика соответствовала, по его словам, «слогу богатырских лет».² Это отражается не только в попытке создать ритмическое подобие народного стиха,³ но и в самом названии перевода: «Песнь норвежского *витязя* (курсив мой. — П. С.) Гаральда Храброго». Если обратить внимание на львовское «Предуведомление», которое, в сущности, является переводом текста из «Введения в историю датскую», то можно предположить, что Львов понимал природу этого текста и традицию, внутри которой он был создан, однако не стремился воспроизводить черты куртуазного оригинала.

В той же стилистике выполнены перевод И. Ф. Богдановича, который содержит лишь несущественные отличия от упомянутого текста, и перевод П. Ю. Львова, в еще большей мере вобравший в себя стилистические элементы русского фольклора.⁴

XIX век предполагал иное видение: тогда все еще сохранялся интерес к национальному прошлому и жанрам фольклора, однако же вместе с тем поднималась волна увлечения европейским средневековьем. Куртуазная эстетика была близка творчеству К. Н. Батюшкова. Перевод «Песни Гаральда Смелого» Батюшкова вышел в 1816 году; его источником послужила уже не «История Датская» Малле, а «Поэтическая Галлия» (“*La Gaule poétique*”) Л. А. Маршанжи, о чем сам поэт сообщает в одном из писем к П. А. Вяземско-

¹ *Львов Н. А. Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго... // Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972. Т. 2 / Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Серман. С. 211–212* («Библиотека поэта». Большая серия).

² Там же. С. 211.

³ По словам Львова, «Песнь Гаральда» переложена на русский язык «образом древнего стихотворения с примеру „Не звезда блестит дале-че в чистом поле...“» (см. там же). Об этом тексте более подробно см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю. Из истории одной мистификации: «Песня П<етра> С<еменовича> Львова» // Русская литература. 2013. № 1. С. 78–90.*

⁴ Перевод лишь предположительно принадлежит П. Ю. Львову, см.: *Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 96.*

му.¹ Однако сам текст «Песни Гаральда» полностью совпадает с тем, что представлен у Малле.² Европа в XIX столетии вновь обращается к средневековой культуре, поэтому в этой книге исторические события и культурные особенности Средневековья иллюстрируются при помощи поэтического материала. Вольный перевод Батюшкова оформлен в жанре героической баллады, которая становится полноценной альтернативой рыцарской песне: этому способствовало то, что в русской фольклорной традиции присутствовали баллады, имеющие в себе былинные элементы.³ Стоит упомянуть о записной книжке Батюшкова, в которой он делал выписки о прочитанных книгах. В ней упомянут ряд научных и художественных текстов о Скандинавии и Средневековье: «Опыт об открытии Исландии» И. Ф. Буле, поэма «Скандинавы» Ф. Монброна и другие.⁴ Батюшков был знаком и со статьей Б. Ласебеда «Леса и обитатели стран, покрытых льдами», откуда поэт не раз заимствовал образы, характерные для европейской «северной» лирики.⁵ Можно предположить, что именно факт обладания нужными знаниями сыграл основную роль в процессе написания одного из наиболее удачных вольных переводов «Песни Гаральда», созданных в конце XVIII века и начале XIX. Эпоха Батюшкова носила принципиально другой характер, и это отразилось не только на рецепции «Песни», но и на самой стилистике перевода. Ни метрические, ни лексические особенности уже не отсылают читателя к жанрам фольклорной песни или героической волшебной сказки. В своем тексте поэт отходит от примера, заданного Львовым, в котором лирическая песня смешивается с эпико-героическими мотивами. Гаральд Батюшкова — храбрый рыцарь, воюющий со стихией, а не «удалой молодец». Перевод Батюшкова уже не ассоциируется с фольклором: в нем присутствуют картины бури, грома, мотив покидания

---

¹ См.: *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. / Сост., подг. текста и прим. А. Л. Зорина. М., 1989. С. 393.

² *Marchangy L.-A.-F. de La Gaule poétique...* Paris, 1819. P. 405.

³ *Астахова А. М.* Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 18.

⁴ *Батюшков К. Н.* Чужое: мое сокровище // Соч. Т. 2. С. 31.

⁵ *Шарышкин Д. М.* Скандинавская литература в России. С. 128.

«милой отчизны». Образы же мощного корабля и шестнадцати воинов (см. у Н. А. Львова: «Нас шестнадцать только было в корабле одном») он заменяет строкой «Нас было лишь трое на легком челне...».¹

В тот же период появляется все больше и больше исследований о Скандинавии. В 1818 году Н. М. Карамзин опубликовал свой перевод текста Малле, однако совершенно не в поэтических целях, а в качестве примечания к истории Гаральда и Елизаветы, изложенной во втором томе его «Истории государства Российского». Перевод Карамзина сохраняет изящество слога Малле, хотя и является таким же подстрочником, как и переводы Брайко и Моисеенко. Автор комментирует этот вариант «Песни Гаральда» следующим образом: «Елисавета не презирала его: он следовал единственно обыкновению, тогдашних нежных Рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своих любовниц».² Свои слова Карамзин подтверждает фактом женитьбы Гаральда и Елизаветы в 1015 году. Для европейской куртуазной лирики было характерно воспевание некоей королевы — возлюбленной лирического героя, — чей образ зачастую скрыт за туманным флером. Герой, рыцарь-певец, традиционно остается незамеченным возлюбленной, несмотря на все подвиги, которые совершает. Карамзин как ученый имел глубокие познания в зарубежной истории, философии и литературе, поэтому верно понял вектор восприятия текста швейцарцем Малле.

В переводах «Песни Гаральда» 1770–1820 годов можно проследить изменения жанровой природы оригинального текста. Авторы конца XVIII века придерживаются стилизованного жанра фольклорной песни, который, однако, включает в себя героические элементы. В данном случае выбор жанровой стратегии обоснован не только культурно-эстетическими тенденциями эпохи, но и специфическим образом бытования куртуазных произведений в России. Первые десятилетия XIX века приносят новые эстетические веяния:

¹ Батюшков К. Н. Песнь Гаральда Смелого // Соч. Т. 1. С. 228.

² Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1991. Т. 2–3. С. 206–207.

растет интерес к европейскому средневековью, переводятся произведения куртуазного характера, опубликованные воодушевленными духом старины современниками. XIX век обогащает литературную и культурную традиции, что становится причиной еще большей жанровой трансформации «Песни Гаральда», в которой начинают более явно выделяться балладные, а не песенные черты. Жанр баллады оказывается наиболее близким к куртуазной поэзии Средневековья, и одновременно он предполагает возможность включения эпико-героических мотивов.

Изучение жанровых характеристик корпуса переводов «Песни Гаральда» 1770–1820 годов позволяет сделать вывод, что песенная жанровая природа наиболее ранних текстов обусловлена особым состоянием русской литературной традиции на рубеже XVIII–XIX веков. С развитием исторической науки и фольклористики, с появлением большего количества публикаций средневековых текстов вектор рецепции «Песни Гаральда» меняется. В результате жанр баллады становится логическим компромиссом между куртуазной одой, исторической и лирической песнями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адрианова-Перетц В. П.* Любовно-авантюрные повести [второй половины XVII в.] // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. II. Ч. 2: Литература 1590-х–1690-х гг. С. 375–397.
2. *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966.
3. *Джаксон Т. Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000.
4. *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964.
5. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Из истории одной мистификации: «Песня П<етра> С<еменовича> Львова» // Русская литература. 2013. №. 1. С. 78–90.
6. *Панченко А. М.* Литература второй половины XVII в. // История русской литературы X–XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1979. С. 372–446.
7. *Покровская В. Ф.* Повесть о Бове королевиче // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. II. Ч. 2: Литература 1590-х–1690-х гг. С. 103–109.
8. *Сакулин П. Н.* Русская литература: В 2 ч. М., 1929. Ч. 2.

9. *Смирницкая О. А.* О поэзии скальдов в «Круге земном» и ее переводе на русский язык // Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 597–611 («Литературные памятники»).
10. *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980.
11. *Шляпкин И. А.* Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898.

REFERENCES

1. *Adrianova-Peretc V. P.* Ljubovno-avantjurnye povesti [vtoroj poloviny XVII v.] // Istorija russoj literatury: V 10 t. M.; L., 1948. T. II. Ch. 2: Literatura 1590-h–1690-h gg. P. 375–397. (In Russ.)
2. *Astakhova A. M.* Byliny. Itogi i problemy izucheniya. M.; L., 1966. (In Russ.)
3. *Dzhakson T. N.* Chetyre norvezhskih konunga na Rusi. M., 2000. (In Russ.)
4. *Kuz'mina V. D.* Rycarskij roman na Rusi: Bova, Petr Zlatyh Kljucej. M., 1964. (In Russ.)
5. *Lappo-Danilevskij K. Yu.* Iz istorii odnoj mistifikatsii: «Pesnja P<etra> S<emenovicha> L'vova» // Russkaja literatura. 2013. №. 1. P. 78–90. (In Russ.)
6. *Panchenko A. M.* Literatura vtoroj poloviny XVII v. // Istorija russoj literatury X–XVII vv.: Ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov / Pod red. D. S. Lihacheva. M., 1979. P. 372–446. (In Russ.)
7. *Pokrovskaja V. F.* Povest' o Bove korolevice // Istorija russoj literatury: V 10 t. M.; L., 1948. T. II. Ch. 2: Literatura 1590-h–1690-h gg. P. 103–109. (In Russ.)
8. *Sakulin P. N.* Russkaja literatura: V 2 ch. M., 1929. Ch. 2. (In Russ.)
9. *Smirnickaja O. A.* О поезии скал'дов в «Круге земном» и ее переводе на русскй язык // Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. P. 597–611 («Literaturnye pamjatniki»). (In Russ.)
10. *Sharypkin D. M.* Skandinavskaja literatura v Rossii. L., 1980. (In Russ.)
11. *Shljapkin I. A.* Tsarevna Natal'ja Alekseevna i teatr ejo vremeni. SPb., 1898. (In Russ.)